

М. Ш. Файнштейн

ИЗ ИСТОРИИ СОБРАНИЯ А. Ф. ОНЕГИНА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Музей А. Ф. Онегина уже давно привлекает внимание исследователей. Казалось бы, история его достаточно изучена. И все же, обращаясь к архивным материалам, можно найти новые интересные факты, позволяющие представить эту историю полнее.

В 1860 г. бывший студент Петербургского университета Александр Федорович Отто (1845—1925) обосновался в Париже и, существуя случайным заработком, — он давал уроки — стал собирать прижизненные издания Пушкина и книги, посвященные его творчеству после 1837 г. Поклонение его Пушкину было настолько велико, что он со временем присвоил себе фамилию одного из его героев — Онегина.

Начало коллекции Онегина-Отто положил его товарищ по петербургской гимназии П. В. Жуковский, подаривший пакет с рукописями Пушкина, принадлежавший В. А. Жуковскому. Позднее он получил еще документы, имевшие отношение к дуэли и смерти поэта, к изданию его посмертных сочинений, к делам опеки над его детьми и имуществом. Эти бумаги и стали ядром коллекции. Знакомство и связи начинающего коллекционера с жившими за границей и в России русскими писателями (среди которых был И. С. Тургенев) позволили увеличить его собрание за счет новых рукописей и реликвий. В его коллекции — автографы М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. К. Толстого, Я. П. Полонского, И. С. Аксакова, А. И. Герцена, Е. П. Ростопчиной, Байрона, Гете, Шиллера, Гейне и других представителей литературы России и Западной Европы. Одних пушкинских рукописей насчитывалось около 70. Среди них черновые наброски «Братьев разбойников», отрывки из «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», «Египетских почей», некоторые варианты стихотворения «Пора, мой друг, пора...», отрывки из «Арапа Петра Великого», собрание ико-

нографии Пушкина. Собрание Онегина постоянно приумножалось. В русских периодических журналах появлялись описания некоторых пушкинских документов из его коллекции, на что обратили внимание как историки литературы, так и издатели, готовившие к печати сочинения поэта. Так, при подготовке Обществом для пособия нуждающимся ученым и литераторам (Литфондом) «Сочинений» А. С. Пушкина (1887) редактор издания П. О. Морозов обратился к опубликованным в журналах «Вестник Европы» (1882, № 10) и «Русская мысль» (1886, № 5) черновым отрывкам из «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и «Родословной моего героя».

Особенно возрос интерес к этой коллекции к 1899 г., в канун 100-летия со дня рождения Пушкина. Велась работа над полным собранием сочинений поэта и документов о его жизни. Естественно, что исследователи особо интересовались неизвестными еще материалами.

К 1900 г. относятся и первые попытки установления Петербургской Академией наук контактов с Онегиным-Отто. Найти его оказалось довольно сложно. Через иностранного члена-корреспондента известного слависта Луи Леже удалось выяснить парижский адрес коллекционера. От имени Академии к Онегину обратился литературовед и историк М. И. Сухомлинов, предложивший Александру Федоровичу принять участие в подготовке издания собрания сочинений Пушкина.

В ответном письме от 12 декабря 1900 г. Онегин выразил согласие участвовать в академическом предприятии, оговорив при этом, что все рукописи его собрания останутся при нем. Он предложил такое условие: из Петербурга в Париж должны приходиться корректуры, и, просматривая их, коллекционер будет вставлять новые или ранее не известные сведения из хранящихся у него рукописей. Из этого письма стало известно о публикации в Риге и Ревеле некоторыми лицами, побывавшими в парижской квартире Онегина, документов без указания имени владельца.¹ Из-за этого вышли недоразумения с П. О. Морозовым, редактором «Сочинений» Пушкина. Участие же в академическом издании полностью отвечало намерениям Онегина. Лишь через год решился вопрос о его участии в редакционной коллегии академического издания.

На одном из февральских заседаний Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) в 1902 г., проходившем под председательством акад. А. Н. Веселовского, подчеркивалась несомненная важность означенных бумаг как для академического издания сочинений Пушкина, так и вообще для истории русской литературы, и решено было обратиться к Онегину с предложением под его редакцией печатать это собрание автографов под общим названием «Историко-литературные ма-

¹ Архив АН СССР (далее: ААН), ф. 101, оп. 2, д. 78, л. 1 об.

териалы А. Ф. Онегина».² При этом оговаривалось, что Онегин будет получать гонорар в размере 100 руб. за печатный лист. Парижский корреспондент ОРЯС уже официально избирается членом образованной комиссии по изданию полного собрания сочинений Пушкина.³ В письме от 14 июня 1902 г. Онегин согласился принять участие в этой важной работе.

В 1902—1907 гг. между Академией и Онегиным завязывается интенсивная переписка, в которой обсуждаются вопросы уточнения пушкинских текстов. Онегина беспокоит и финансовая сторона дела. Он торопит с присылкой корректур; как член редколлегии издания, он горд своей миссией, явно доволен, что его драгоценное собрание тоже участвует в этом важном и нужном деле. Особенно теплые отношения у Александра Федоровича установились с А. Н. Веселовским, который готовил к изданию переписку В. А. Жуковского с М. А. Прютасовой. Онегин, владевший богатейшим рукописным собранием Жуковского, предоставил ученому все необходимое.⁴

В начале 1907 г. Академия предпринимает попытку договориться с Онегиным о приобретении у него всего собрания.⁵ Это было вызвано тем, что доставка копий из Парижа и их публикация шли очень медленно. Кроме того, признавалось нецелесообразным нахождение ценнейшего собрания автографов в частных руках и за рубежом. Необходимо было «спасти для России и для потомков богатое литературное собрание».⁶ Онегину делается предложение уступить материалы Академии наук, оговорив при этом свои условия (время, сумма, частями или полностью).⁶

После длительных переговоров в 1908 г. Онегин, заинтересованный в сохранности своего собрания, согласился продать коллекции Академии наук. Для ознакомления с музеем и уточнения юридических и финансовых сторон этого дела в начале 1909 г. в Париж выехал член совета Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский. С его помощью был составлен договор, который определил будущий статус музея и обозначил сумму вознаграждения. Согласно положениям этого документа, Александру Федоровичу одновременно выплачивалось 10 000 рублей и устанавливалась ежегодная пенсия в 6000 рублей. Музей же оставался в его пожизненном пользовании, а после смерти его хранителя переходил бы в ведение Академии. В договоре оговаривалось право пользования при необходимости собранием Онегина как сотрудниками русско-

² ААН, ф. 9, оп. 1, д. 764, л. 3.

³ Там же, л. 5.

⁴ ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, д. 581, л. 1—30.

⁵ ААН, ф. 9, оп. 1, д. 764, л. 26—26 об.

⁶ Там же, л. 27.

го посольства в Париже, так и сотрудниками Академии наук или исследователями, разрабатывавшими по поручению Академии темы по истории русской литературы. Результатом этой поездки в Париж явилось краткое описание Модзалевским онегинской пушкинианы в сборнике «Пушкин и его современники» (вып. 12).⁷

Заключение Академией договора с А. Ф. Онегиным не исчерпало всех проблем, связанных с его выполнением. Не всегда регулярно удавалось выплачивать своему новому сотруднику означенные в договоре суммы. Это вызывало вполне понятное беспокойство Онегина. Да и удаленность местонахождения музея и его бесценных раритетов задерживали многие начинания, которыми занимались в Пушкинском Доме: подготовку собраний сочинений писателей, чьи автографы находились у Онегина, публикации литературоведческих сборников. Особенно усложнились контакты с музеем в Париже в период первой мировой войны, когда вообще научные связи Академии наук со своими зарубежными коллегами значительно ослабли. События октября 1917 г., потрясшие до основ всю Россию, и последовавшая за ними гражданская война окончательно эти связи нарушили.

До 1922 г. об академическом музее в Париже не было никаких известий. И вот, наконец, до Петрограда дошли тревожные слухи о смерти хранителя музея, о продаже всех коллекций в Америку. Появились публикации материалов коллекции в искаженном виде. Все это не на шутку встревожило научную общественность молодой Страны Советов. К счастью, удалось установить, что все слухи о смерти Онегина ложны, а сам хранитель подтверждает основной пункт договора 1909 г. — право Академии на музей и стремится продолжить с русскими учеными прерванные войной контакты. Но установить прямую связь из Петрограда с хранителем музея в Париже было не так-то просто. Правительство Франции не признавало Советскую Россию, активно участвовало в ее политической и экономической блокаде. И Академия взяла инициативу прямых связей на себя. 30 мая 1922 г. французским ученым был направлен меморандум, подписанный неперменным секретарем Российской Академии наук С. Ф. Ольденбургом, в котором советские ученые просили своих коллег в Париже помочь сохранению коллекций и способствовать переводу музея в Петроград. Сообщалось также, что во Францию для изучения этого вопроса на месте готовы выехать директор Пушкинского Дома академик Н. А. Котляревский и ученый хранитель М. А. Гофман. В конце июля из Парижа в Россию

⁷ Впоследствии каталоги коллекций А. Ф. Онегина публиковались в сборнике «Неизданный Пушкин» (Пг., 1922; 2-е изд. — 1923), в описании М. А. Гофмана «Музей Онегина в Париже» (Париж, 1926), в изданиях «Описание материалов Пушкинского Дома» (Л., 1958. Т. 4. И. С. Тургенев) и «Библиотека Жуковского» (Томск, 1981. Т. 2. Описание В. В. Лобанова).

был направлен ответ. Непременный секретарь Академии надписей и изящных искусств в Париже Е. Бабелон, которому поручили ответить на запрос русских коллег, писал, что сложность прямых контактов в этом вопросе между учеными двух стран значительно затруднена отношениями между Францией и РСФСР. Далее ответ гласил: «Г. Онегину может быть предложено поместить рукописи в Национальную библиотеку с поручением одному из должностных лиц Библиотеки осуществлять надзор над ними. Рукописи будут возвращены, как только русское правительство будет признано правительством Французской республики».⁸ Конечно, такое предложение не устраивало ни Академию, ни Онегина, состояние здоровья которого уже внушало серьезные опасения. С. Ф. Ольденбург обращается за помощью к Советскому правительству. В Москве принимается решение полностью уплатить задолженность Академии Онегину и способствовать на всех уровнях возвращению ценнейшего собрания домой: направляются соответствующие указания советским дипломатам, 23 октября 1922 г. принимается постановление «О Пушкинском музее в Париже» Коллегии Наркомпроса, с обещанием оказывать полное содействие Академии в этом вопросе.⁹

Академия решила направить к Онегину своего представителя. Им стал ученый хранитель рукописей Пушкинского Дома Модест Людвигович Гофман, известный своими работами о Пушкине, его литературном окружении, постоянный комментатор произведений поэта. Подчас в работах, посвященных возвращению Пушкинского музея из Парижа домой, имени этого ученого уделяется мало внимания, либо вообще о нем не упоминается.¹⁰ На наш взгляд, это можно объяснить тем, что командированный Академией ученый, сам много сделавший для возвращения коллекций домой, в СССР не вернулся. И лишь, обратившись к хранящимся в Ленинградском отделении Архива АН СССР документам, переписке о возвращении музея Онегина, среди которых имеются и письма Гофмана в Академию из Парижа, можно получить

⁸ ААН, ф. 2, оп. 1 (1922), д. 11, л. 1 об. (перевод документов с французского языка Э. Н. Филипповой). В 1920 г. Онегин составил завещание, подтверждающее договор 1909 г. Однако в этом документе хранитель музея, озабоченный отсутствием связей с родиной и дальнейшей судьбой собрания, в случае смерти назначил своими душеприказчиками находящиеся в эмиграции В. Н. Коковцева и М. К. Марченко, а также посла Временного правительства во Франции В. А. Маклакова (ААН, ф. 150, оп. 1 (1922), д. 3, л. 87). В этой связи нельзя не подчеркнуть, что только активная гражданская позиция ученых Российской Академии наук спасла музей от распродажи. Несмотря на исключительную занятость, вызванную также и общим тяжелым положением в стране, что ставило перед Академией особые задачи, непрременный секретарь С. Ф. Ольденбург, понимая колоссальную ценность Онегинского собрания, нашел время для того, чтобы непосредственно руководить работами по возвращению коллекций в СССР.

⁹ ААН, ф. 150, оп. 1 (1922), д. 3, л. 1.

¹⁰ См., например: *Степанов А. Н.* У книг своя судьба. Л., 1974. С. 48—50; *Кунин В. В.* Библиофилы и библиоманы. М., 1984. С. 325—406, и др.

ответ на этот вопрос и восстановить картину кропотливой работы ученых и советских дипломатов, стремившихся как можно скорее переслать все собрание Онегина в Ленинград. Обратимся к рукописным источникам, проследим всю историю вновь.

Итак, 10 июня 1922 г. М. А. Гофман выехал из Петрограда. В Париж ученому удалось прибыть лишь в начале сентября — в Берлине долго пришлось добиваться визы на въезд во Францию, правительство которой упорно не признавало РСФСР. Путь ученого из России лежал на улицу Мариньян, д. 25 — туда, где находился музей Онегина. Облаченный полномочиями вести переговоры с хранителем музея, Гофман сообщил Александру Федоровичу о скорейшем возмещении задолженной суммы — она составила 4200 рублей золотом. Но Онегин запросил больше. Дело в том, что в 1918 г. умер П. В. Жуковский, завещавший своему другу бумаги отца, которые увеличили рукописную часть музея почти вдвое. Финансовые дела были улажены прибывшим в Париж председателем Комиссии пограничным закупкам Наркомпроса З. Г. Гринбергом.¹¹ Наконец, Гофман и Онегин составили договор, по которому Онегину было выплачено 100 000 франков. Это стало возможным лишь потому, что Советское правительство, за помощью к которому обратилась Академия, в сложнейших условиях разрухи народного хозяйства сумело понять всю важность культурного наследия хранящихся в Париже ценностей, смогло изыскать средства для разрешения этого конфликта. По договору определялась не только передача музея в Россию, но и завещались Пушкинскому Дому финансовые накопления его директора на сумму 300 000 франков. Письма Гофмана в Академию показывают, насколько сложной была задача составления договора. Вести переговоры по завещанию было также очень нелегко, так как это усугублялось особенностями характера тяжело больного к тому времени Онегина. Для нас, историков литературы, в этом вопросе важно то, что первым пунктом нового договора явилось требование составить подробнейшую опись всего передаваемого собрания. Работа отняла у Гофмана около четырех месяцев. Кроме того, ученый подготовил к переизданию за границей сборник «Неизданный Пушкин». Решение об этом было принято дирекцией Пушкинского Дома накануне отъезда Гофмана. Деньги вырученные от продажи этого издания, предполагалось передать Онегину в счет погашения задолженности. Но этот «научно-финансовый план» принес командированному одни неприятности. Дело в том, что 11 октября 1922 г. было принято постановление Совнаркома «О воспрещении государственным учреждениям издавать литературу за границей».¹² Всякая деятельность подобного рода за гра-

¹¹ ААН, ф. 150, оп. 1 (1922), д. 3, л. 32 об.

¹² Там же, л. 1.

ницей запрещалась. Скорее всего Гофман мог и не знать ничего об этом правительственном акте — он был опубликован в «Известиях» лишь в конце ноября. Именно в это время Модест Людвигович передал несколько своих статей о музее Онегина в парижские издательства. Кроме того, он решил переиздать и свою работу «Домик в Коломне» в берлинском издательстве Ладыжникова. Это вызвало большие осложнения. Академия требовала возвращения ученого к 1 июля 1924 г.; Гофман попал в тяжелое положение. Осложнилось также и его и без того трудное финансовое положение (деньги из Ленинграда поступали крайне нерегулярно), возникли непредвиденные трудности с оформлением выездных документов. Из писем Гофмана мы узнаем, что он тяжело заболел. В то же время председатель Комиссии пограничным покупкам Гринберг, которому пересылались описи коллекций, требовал завершения работ в музее.

Вдобавок ко всему тяжесть положения Гофмана усугублялась тем, что до него дошли сведения о его увольнении со службы. Ярким свидетельством душевных переживаний Модеста Людвиговича служит его письмо-заявление директору Пушкинского Дома Н. А. Котляревскому: «Еще менее допускаю я возможность исключения меня из Пушкинского Дома, вследствие моей деятельности в Париже в качестве представителя Пушкинского Дома, ибо блестящее, смею сказать без хвастовства, выполнение поручения, возложенного на меня Пушкинским Домом, стоившее мне потери здоровья, работа в Музее и заключение такого договора, на который нельзя было и надеяться, — могут мне ставиться только в заслугу, но никак не в вину <...>

Поступив глубоко несправедливо со мной, Пушкинский Дом, сместив меня с должности и исключив мое имя из списка даже нештатных сотрудников, в то же время и очень осложнил то дело, для которого я был командирован в Париж. На прошлой неделе у А. Ф. Онегина пошла кровь горлом, и к нему были вызваны его душеприказчики, так как доктора опасались его кончины. Опасность эта миновала, и я прошу мне сообщить, должен ли я принимать какие-либо меры, которые гарантировали бы передачу Музея Пушкинскому Дому, хотя признаюсь, что мне будет очень трудно действовать в качестве представителя Пушкинского Дома, отрешенного от должности и исключенного из списка научных сотрудников».¹³ Даже после увольнения ученый продолжал считать себя обязанным завершить порученное дело.

В начале 1925 г. умер А. Ф. Онегин. Необходимо было срочно перевезти музей в Ленинград. Завершить работу Академия попросила известного советского дипломата, полпреда СССР во Франции Л. Б. Красина, назначив его своим уполномоченным. К этой работе дипломат привлек и Гофмана. Вероятно, в глазах Красина он не утра-

¹³ ААН, ф. 150, оп. 1 (1927), л. 16, л. 7 об. — 8.

тил доверия. Ученый заново восстановил описи собрания, систематизировал их по группам. Завершив в 1926 г. эту работу, он решает остаться в Париже.¹⁴

После завершения описания музея необходимо было подготовить все к отправке в СССР. Полномочия на это получил командированный летом 1927 г. в Париж на конгресс исторических наук академик М. М. Богословский. Но до отправки было еще далеко. Если юридически право владения музеем Академией французскими властями не оспаривалось, то вопрос о передаче денег, оставленных Онегиным Пушкинскому Дому, было решить сложно. По законам страны пошлина с завещанных сумм составляла 55%. Посольству пришлось пойти на это. Основная часть денег должна была покрыть расходы по пересылке коллекций. Все это требовало времени, командировка Богословского заканчивалась, и тогда решили обратиться за помощью к находившемуся в то время в Париже в длительной командировке видному специалисту по судостроению академику А. Н. Крылову. Ученый и его секретарь А. Б. Ферингер энергично взялись за дело, и уже в начале 1928 г. первые посылки стали поступать в Ленинград. «Позвольте обратиться к Вам от имени Пушкинского Дома, прежде всего за тем, чтобы выразить глубокую благодарность за все заботы и хлопоты об Онегинском музее, которые Вы взяли на себя ради пользы Пушкинского Дома, и несли и несете уже несколько месяцев. Благодаря энергичным действиям Вашим и Алексея Николаевича Крылова дело, тянувшееся более пяти лет, казавшееся иногда совершенно безнадежным, приходит к концу, и если теперь уже скоро Онегинский музей будет в стенах Пушкинского Дома, то этим в значительной степени мы будем обязаны Вам и Алексею Николаевичу», — с благодарностью обращаясь к этим энтузиастам Н. В. Измайлов.¹⁵ В марте 1929 г. в Пушкинском Доме была завершена полная разборка доставленных из Парижа коллекций и выработаны правила пользования исследователями драгоценным собранием. Право публикации неизвестных еще рукописей бесспорно признавалось за ведущим научно-исследовательским центром страны. Теперь необходимо было познакомить с этими редкостями советскую научную общественность. В Президиум Академии наук был представлен план издания описания собрания. Приводим здесь этот документ.

¹⁴ Там же, л. 62—63 об. Оставшись в Париже, М. А. Гофман продолжал заниматься изучением жизни и творчества Пушкина. Среди его работ того времени: «Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже» (1926), «Пушкин. Психология творчества» (1928), «Египетские ночи» (1935), «Пушкин и его эпоха» (1937), «История создания „Евгения Онегина“» (1937), «Дуэль и смерть Пушкина» (1937), «Невеста и жена Пушкина» (1937).

¹⁵ ААН, ф. 150, оп. 1 (1927), л. 16, л. 30.

ОНЕГИНСКОЕ СОБРАНИЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

(План издания)

Издание должно включать: 1) перечневое описание коллекций, по возможности сжатое; 2) публикацию важнейших и интереснейших материалов, с прибавлением вступительных и объединяющих статей. Издание, ввиду обилия материалов, распадается на 2 тома.

Том I

1. Введение: История Онегинского собрания, его приобретения АН, его разработки; общее его значение	3/4 печ. л.
2. Описание собрания:	
а) рукописей	4 печ. л.
б) иконографии и музейных предметов	2 печ. л.
в) книг	1/2 печ. л.
3. а) Общий обзор и научная оценка рукописей Пушкина (статья)	3/4 печ. л.
б) Дополнения и поправки к текстам «Неизданного Пушкина»	1 печ. л.
в) Документы, относящиеся к дуэли и смерти Пушкина, к его рукописному наследию, опекунству, к изданию «Современника» и посмертного собрания сочинений (неизданные, не вошедшие в исследование П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина»)	6 печ. л.
4. Рукописи В. А. Жуковского: неизданные произведения и дневники (частью напечатанные М. А. Гофманом в Париже); варианты и черновые редакции известных произведений; творческая история ряда важнейших произведений	5 печ. л.

Всего 20 печ. л.

Том II

Переписка В. А. Жуковского. Письма Жуковского: к матери, к Е. А. Протасовой, Е. Я. Свербеевой, П. Я. Убри, П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, А. Н. Голицыну, М. Т. Каченовскому, И. И. Дмитриеву, Гете и др. лицам.

Письма к Жуковскому: М. А. Бакунина (7), Г. С. Батенкова (2), А. Д. и Д. Я. Блудовых (26), А. Я. Булгакова (119), А. Ф. Воейкова (15), М. Н. Волконской, гр. Вильгорских (42), П. А. и В. Ф. Вяземских (56), И. И. Дмитриева (41), А. П. Елагиной (10), С. П. Жихарева (39), А. П. Зонтаг (9), Н. М. Карамзина (11), М. Т. Каченовского (50), И. В. Киреевского (5) и документы по делу о запрещении «Европейца», И. И. Козлова (30), А. И. Кошелева, Н. А. Мельгунола (5), А. Н. Оленина, П. А. Плетнева, А. А. Плещеева (38), Е. Г. Пушкиной (24), В. А. Соллогуба (3), Д. П. Северина (57), А. И., А. М. и Н. И. Тургеневых (27), А. А. Шаховского, П. Я. Чаадаева, З. А. Волконской, А. О. Ищимовой, Карамзиных, Н. П. Огарева, многих декабристов и их жеп и мн. др.

Всего около 600 №№, которые, конечно, не все войдут в издание, а лишь по выбору.

Письма И. С. Тургенева к Ральстону (42), к П. В. Жуковскому (27), к А. Ф. Онегину (32) и др. Они были напечатаны, но не полностью и очень не исправно, по плохим копиям в сборнике «Недра» 1925 г. Повторение их необходимо для полноты и точности издания. Документы и письма, касающиеся Н. В. Гоголя. Разные документы из коллекции Онегина: переписка Д. П. Северина, А. О. Смирновой, автографы Е. П. Ростопчиной и др. русских писателей; Байрона, Гете, Шиллера, Гейне и др. иностранных писателей и проч. Письма к П. В. Жуковскому разных лиц.

Всего 25—30 печ. листов.

Издание должно быть иллюстрировано снимками с автографов, портретов, редких книг, картин, вещей и пр.¹⁶

Так предполагалось познакомить советскую научную общественность с Онегинским собранием. Непосредственное знакомство с этими коллекциями состоялось вскоре после их доставки в Ленинград — в феврале 1930 г. В Пушкинском Доме все собрание экспонировалось на выставке. Сегодня же задачи, обозначенные в плане-проспекте, выполнены лишь частично: вниманию исследователей представлено описание бумаг И. С. Тургенева и библиотеки В. А. Жуковского. Непроходящий интерес к этому собранию позволяет надеяться, что последующие описания коллекций представят нам много нового о русской и европейской литературе.

¹⁶ ЛАН, ф. 150, оп. 1 (1922), л. 3, л. 104—104 об.